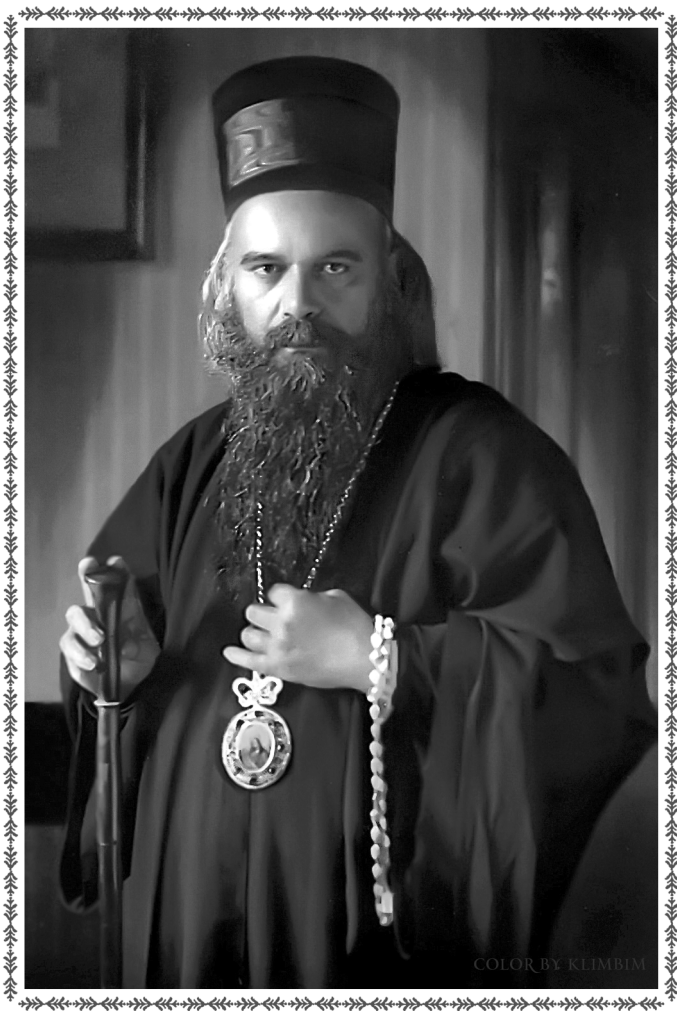

В 1927 году в американском городке Уильямстаун представители многих земных рас и народов собрались на конференцию, на которой с человеколюбивой заботой велась дискуссия о возможности мира среди людей. Им, своим дорогим друзьям, посвящает автор, в ту пору их сотрудник, эту книгу о войне в свете Священного Божия Писания, — книгу, на которую во время затишья будут смотреть с равнодушием, но в годину военных потрясений станут искать и читать с пониманием.

COLOR BY KLIMBIM

ВВОДНАЯ БЕСЕДА

1. Вавилон в опасности

Солнце клонилось к закату, когда мы оказались на палубе судна «Бостон», осуществлявшего морское сообщение между Нью-Йорком и Бостоном. Грязная и маслянистая вода Нью-Йоркского залива, днем под жаркими солнечными лучами блиставшая, подобно серебру, в вечернем мареве переливалась, точно расплавленное золото. Пароход плыл от Нижнего к Верхнему городу, между Нью-Йорком и Бруклином, а наше общество сидело, обернувшись лицами к Нью-Йорку.

Перед нами лежал самый крупный на земном шаре город, самый торопливый, наиболее освещенный и предельно разобщенный. Взоры всех пассажиров — как иностранцев,

так и местных уроженцев — были невольно прикованы к многочисленным башням, гордо и неуклюже нареченных небоскребами.

— Взгляните на наши вавилонские башни! — сказал мне министр Юстон.

— Смотрю на них, — ответил я, — но неужто и Вы на них взираете? Ведь Вы уже столько раз здесь путешествовали и обращали на них свой взгляд?

— Это привлекает всегда и везде... Да и естественно чему-то великому неизменно пленять людские души — как в прошлом, так и в будущем.

— Да, да, Вы хорошо сказали, — поддержал [его] генерал Кларк. — Невольники великих свершений, [когда] писали и хроники бытия народов на самом деле — вплоть до сего дня — обрисовывали только биографии выдающихся личностей, этих своеобразных «небоскребов» [общества].

— Значит, генерал, демократия здесь ничего не меняет? — поинтересовался я.

— Ничего, [ровным счетом] ничего. Теоретически демократия пыталась славу великого человека разделить на множество его сподвижников, но на практике достигла лишь того, что более тщательно высчитала и измерила вклад людей, лишенных славы, в известность корифея. Однако при этом не умалила славы последнего и не увеличила славу первых. Дворцы остались дворцами, а хижины хижинами.

Г-н Крен, молча и сосредоточенно внимавший нашей беседе, обратился ко мне по имени и сказал:

— Посмотрите на эту группу новых башен — там, в Верхнем городе. Шесть лет тому назад, когда Вы были в Нью-Йорке, здесь не было даже их следа. А теперь! Выросло около сотни нововозведенных.

— В самом деле, — ответил я, — в самом деле, г-н Крен. Мне даже кажется, что они красивее и стройнее тех, что в Нижнем городе, не так ли?

— О, безусловно! В этих новых высотных зданиях мы, американцы, достигли своего оригинального стиля зодчества. Этого больше нет нигде на свете! А те старые башни, как-то: Вулворт, Сингер, Мьюнисипал — просто коробят взоры современного поколения.

Так говорил г-н Крен, наш отменный и любезный устроитель всего мероприятия. Благодаря ему мы и оказались в тот вечер на пароходе, плывущем в Бостон. Пригласил он нас к себе в гости, на «уикэнд», чтобы у него на ранчо провели мы воскресенье. Среди приглашенных был и г-н Юстон, бывший член кабинета министров Великого Президента, [а также] генерал Кларк, [затем] какой-то русский, знаменитый музыкант; [и] чех, г-н Писек, археолог, исследователь арабской старины; и еще, помимо меня, некий выходец с Балкан, и множество других лиц.

В этот момент, в последних лучах солнца, появилась стайка аэропланов, высо-

ко кружащая над величественным Нью-Йорком.

— Вот, вот, вон они! Вон! Три, пять, десять! — слышались восклицания со всех сторон.

Министр Юстон, вздохнув, молвил вполголоса:

— Да, вот и опасность для нашего американского Вавилона!

— Подумать только, от этих громадных стальных черных «птиц» будет зависеть грядущая война! — громко заключил генерал.

— Да не поминайте Вы эту войну! — парировал миролюбивый г-н Крен, объехавший все пять континентов и вдесятеро большее количество островов. Повсюду видел он много добрых людей, способных жить в мире, и приобрел немало друзей.

Генерал ответил так:

— О войне упоминаю я, г-н Крен, не оттого, что ее люблю, а оттого, что она еще грянет.

Тогда спросил я:

— А разве Вы, генерал, не видите никакой другой цели и предназначения аэропланов, кроме как творить злодеяния?

— Да почти и не вижу. Аэропланы, правда способны выполнять и некоторые мелкие задачи мирного времени, но их главная и самая высокая цель — это война.

При этом опять-таки министр Юстон тихо и задумчиво молвил, как бы про себя:

— Оттуда, оттуда с воздуха грозит опасность этим нашим вавилонским башням!¹

— Почему же только нашим башням? — рявкнул генерал. — Не касается ли то же самое и европейского Вавилона, или — лучше сказать — вавилонской Европы?

— Касается, еще как касается, дорогой мой Кларк, — ответил министр. — Европа

¹ Как не вспомнить события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, в контексте которых приводимые слова оказываются пророческими по сути? — *Примеч. ред.*

даже более созрела для войны, чем мы. Впрочем, сие можно отнести и ко всему миру. Неужто не замечаете, что весь мир вновь стал вавилонской башней?

— Снова и снова говорю вам: не верю я в войну! — бросил им свою реплику г-н Крен.

— Не верим и мы, г-н Крен, — сказал чешский профессор, — однако война [часто] приходит и наперекор нашей вере или неверию в нее: приблизительно так, как наступает эпидемия гриппа.

— Как же так? — недоумевал г-н Крен. — Не думаете ли Вы, что [разгорается] она именно так... Совсем случайно.

— Не думаю, что совсем случайно, но полагаю, что вспыхнуть она может и без нашего на то изволения.

Г-н Крен повернулся ко мне и попросил высказать мое мнение, на что я ему ответил:

— Действительно, мне кажется, что война может разгореться и без человеческой

воли, но никак не без человеческой вины. Ведь по чистой случайности не происходят в мире и гораздо менее значительные события, а не то что война.

Пока углублялись мы в беседу на данную тему, живо интересовавшую всех присутствующих, на землю спустилась тьма, а аэропланы начали огненными следами в воздухе изображать рекламные лозунги крупных торговых домов Нью-Йорка, оповещающая нас, в какой фирме что и за сколько можно купить.

— Вот, теперь посмотрите, — сказал мне генерал Кларк, — вот вам одно из мелких предназначений аэроплана. Писать на воздухе рекламы магазинов и фабрик, ха-ха-ха! Но [ведь] это лишь незначительная и побочная их функция! А главное для них — война, как я [уже] сказал. Война!

Трубы возвестили время ужина, и пассажиры спустились с верхней палубы корабля в столовую.

2. Дискуссия о войне за ужином

— Я считаю, что война — это злой рок, — сказал г-н Писек, чешский профессор, когда мы уселись за стол. — Посмотрите, никто не хочет войны, даже генералы, но все к ней готовятся. Разве не налицо здесь некий фатум рода человеческого?

— Глупость, глупость, а не фатум! — ответил г-н Крен. — Если бы мы в Америке и в Европе были надлежаще образованы, [то] исчезла бы глупость, а вместе с ней — и этот фатализм. Народы в Великой Азии насмеваются над нашей воинственной культурой.

Здесь г-н Крен, чрезвычайно богатый забавными историями и анекдотами, собранными из личных впечатлений по всему миру, поведал, как в Бенаресе в Индии нанес он отдельный визит прославленному монаху, которого вся Индия считала святым человеком.

— Когда я ему представился американцем, — рассказывал г-н Крен, — монах со-страдательно кивнул головой и, вздохнув, сказал: «О вы, американцы! О вы, европейцы! Как много страдали вы и как много еще будете страдать! Вся ваша так называемая «культура» свелась к борьбе за могущество, за превосходство. Этим ядом заражаются и наши молодые люди, которые едут к вам для получения образования. Никто из них не возвращается опьяненным любовью к вам, но все они — сознательно или даже не осознавая того — заводятся вашими извращенными идеями о насилии «во имя права», что на самом деле означает не во имя права, а во имя силы. Как раз на днях были у меня здесь два индийских студента, учившиеся в Лондоне. Когда я спросил их: «Как [живут] наши братья»¹

¹ Под «братьями» индуистский монах здесь понимает непосредственно англичан. — *Примеч. пер.*

в Англии?» — оба они с гневом воскликнули: «Какие братья? Это наши заклятые враги, а не братья! Их культура — эгоизм и насилие. Настоящая культура — у нас в Индии. Мы обязаны бороться с ними и освободиться от них». — «Если вы станете бороться против них насилием, — возразил я им, — то чем тогда будете отличаться от них самих? И что пользы, если вы освободитесь от них совне, если вижу я, что вот — поработили они вас изнутри? С такой злобой о людях говорят не последователи добропорядочных учений Веданты, а поборники милитаристской европейской культуры. Наше освобождение от англичан, господа, — не есть величайшее благо; величайшее благо — это освобождение от самих себя. В этом смысл Веданты. Уехали вы в Европу как рабы телом, а возвратились сугубыми невольниками: и телом, и духом». — Окончив свой рассказ, старый монах снова вздохнул и повторил: «О вы,

американцы! О вы, европейцы! Как много довелось вам выстрадать и как много еще придется страдать! Страдание неизбежно для всех, кто противится Дхарме¹.

В эту минуту в столовой раздалось оглушительное гроыхание известного негритянского джаза.

— Только послушайте, — гневно вспыллил г-н Крен — послушайте, что это за музыка! Мелодии ли это людей просвещенных и миролюбивых или же [пляски] необузданных дикарей?

Министр Юстон словно почувствовал обиду в этих словах [, будучи оскорблен в] своей национальной гордости, и сказал Крену:

¹ Аналог безличного Абсолюта. В индуизме означает собственно «мораль», «нравочение», «религиозное предписание», «совесть», «сущность», «веру» как царящий над миром некий вечный моральный кодекс, из которого каждый человек почерпает свой нравственный долг (как личную дхарму), который обязан неотвратимо исполнять. — *Примеч. пер.*

— Ну не надо так, мой друг. Какими бы американцами мы ни были, мы все-таки просвещеннее и миролюбивее европейцев. Европа готовится к наступательной, захватнической войне, а мы делаем приготовления к войне оборонительной.

— Избитая песня на старый мотив! — шепнул мне на ухо г-н Крен.

— Позвольте, — продолжал министр, — мы обязаны быть готовы к обороне, если кто-то нападет на нас будь то с атлантического или с тихоокеанского побережья. Наша история не ведает завоевательных войн. Начиная с президента Вашингтона и вплоть до Вильсона Америка вела лишь оборонительные, а не захватнические войны. Я не допускаю ни того, что война — это фатальность, как сказал профессор Писек, ни того, что она — биологическая потребность во имя пресловутого возрождения нации, как утверждает француз Клемансо в одной из своих последних

книг. Я говорю [лишь], что война — это дикость, навязываемая силой, а посему только [встречной] силой и можно ее отразить. Это всё.

— Все народы спешно готовятся к новой войне, дорогой мой Крен, — молвил генерал. — Неужели нам, американцам, спрятать, как страус, голову в песок и притворятся ничего не понимающими?

— Не говорите «все», Кларк, — ответил Крен. — Кто это «все»? Индия, Китай и Эфиопия к войне не готовятся — а ведь это больше половины человеческого рода. Европейцы же и мы — то есть меньшинство человечества, собственно его треть! — делаем к ней приготовления.

После это генерал обернулся к выходцу с Балкан и как бы в шутку спросил его:

— К кому принадлежите вы, балканцы: к миролюбивому большинству, о котором твердит г-н Крен, или к воинственному меньшинству?

[На это] балканец ему ответил:

— Мы принадлежим к тем, кто, ненавидя войну, тем не менее, к ней готовится.

— Именно такое положение и у нас, в Америке, — воскликнул министр Юстон. — Мы ненавидим войну, но готовимся к ней. Делаем это по необходимости, чтобы в критический момент защитить и отстоять нашу демократию от империалистических агрессоров.

Крен едко усмехнулся и процедил:

— Ратоборческое неистовство уравнивает всех, дорогой друг. Не помогает здесь ни демократия, ни автократия, ни монархия, ни республика, ни коммунизм. Сегодняшняя коммунистическая Россия так же спешно готовится к войне, как и английская и японская монархия, а равно и американская и французская республика. Но послушайте меня и вдумайтесь: мне кажется, что эта военная лихорадка в наше время нарочито охватила белую расу.

— В этом я полностью [согласен] с Креном, — молвил генерал. — Не было и нет ни серьезной политической теории, ни правящей партии, которая, в конечном счете, не стояла бы за войну или не поспособствовала ее вспышке. Доселе ни одна политическая доктрина не смогла снять завесу с той ужасной мистерии в человеческой жизни, что называется войной. Ни политики, ни государственные деятели, ни солдаты, ни сами естествоведы вплоть до сего дня даже близко не представили нам продуманного объяснения ее сущности, а также ее подлинных причин и целей. До сего дня это либо замалчивалось, либо говорили об этом с пристрастием. Порой мне кажется, что война как-то связана с глубоким и незримым корнем нашей жизни на земле, а потому, вероятно, лишь религия могла бы сказать об этом какое-то веское слово.

Наступила тишина. Но внезапно генерал поставил такой вопрос:

— В самом деле, господа, кто когда-либо из белых людей написал некий знаменитый труд о войне?

— Ницше и немецкие генералы перед (первой. — *Пер.*) мировой войной, — раздался чей-то голос.

— Макиавелли! — ответил г-н Юстон с неприкрытой усмешкой. — Это — европейский философ войны.

— Анти-философ! — громко возразил кто-то. — Слепец, указывавший дорогу таким же слепцам.

— Я полагаю, что Макиавелли представляет собой квинтэссенцию европейского поврежденного разума, — дополнил сам себя Юстон.

Все присутствующие выразили свое единодушное осуждение учения Макиавелли.

Засим генерал Кларк обернется к моему самому близкому другу-балканцу и спросит, существует ли где-то во всемирной

литературе какое-либо другое и лучшее истолкование мистерии войны, чем дал его, скажем, Макиавелли.

Балканец ответил так:

— Да ведь есть библейское объяснение, всецело противоположное мнению Макиавелли.

Генерал пронзил его испытующим взглядом, а затем погрузился в глубокое молчание. В тот вечер не захотел он больше ни слова молвить о войне. Лишь молча размышлял, точно силился вернуться к памяти о том, что когда-то давно было заучено, а потом забыто.

На следующий день генерал Кларк пригласил меня и моего балканского друга на лодочную прогулку вдоль морского побережья, на котором стояла красивая вилла г-на Крена. С нами на судне было еще несколько высоких гостей сего господина, которых генерал самолично отобрал и позвал. Как только уселись мы в лодке,

ВВОДНАЯ БЕСЕДА

генерал попросил балканца изложить учение о войне, какое ему известно и какое представляется ему единственно верным и истинным.

И все нижеследующее написано на основе того, о чем велась беседа тогда, на лодочной прогулке по Бостонскому заливу в водах Атлантики в августе 1927 года.

ВООРУЖЕНИЕ

«Все народы Европы и Америки, мой генерал, — начал свою речь балканец, — с максимальной поспешностью, судорожно вооружаются [готовясь] к новой войне. Кто этого не видит? И для пастуха в горах это не секрет, — что уж тогда говорить о людях, живущих в городах и наблюдающих за делами человеческими. В погоне за вооружением из народов Азии сейчас в ногу с Европой и Америкой идут два-три государства, в частности: Япония, Турция и отчасти Персия и Афганистан. Необъятный Китай сводит счеты сам с собой, проводя кровопролитные военные испытания (*букв.: учения. — Пер.*) на собственных детях и тем самым — даже не осознавая [этого] — готовит

их к резне и истреблению чужих детей. Впрочем, [тот], кто отяготил свою совесть виной за прошлую мировую войну, взвалит на себя бремя ответственности и за войну грядущую. [А] это народы белой расы, нации, именуемые христианскими. В подготовке к новой войне, или к новым войнам, они первенствуют над всеми остальными народами и племенами на земном шаре. О том же, что мир стоит перед новой войной, свидетельствуют такие факты:

1) явные и тайные военные приготовления всех упомянутых наций;

2) военные бюджеты, во всех государствах несопоставимо превосходящие расходы любого другого назначения и далеко превышающие военные бюджеты накануне прошлой мировой войны;

3) повышенная интенсивность труда на бесчисленных заводах, выпускающих военную технику, боеприпасы, боевые отравляющие вещества, электрические

и электромагнитные боевые устройства и приспособления, а также увеличение объема производства и числа занятых на этих предприятиях;

4) ускоренная постройка военных кораблей и других средств морского базирования;

5) увеличение общей численности строевых солдат и кадровых офицеров по сравнению с довоенным периодом (то есть перед первой мировой войной. — *Пер.*);

6) создание некоторыми правительствами ученых комитетов, в задачу которых входит предельная концентрация умственного потенциала нации в целях дальнейшего создания или усовершенствования боевых отравляющих веществ и других химических средств ведения войны на суше, на воде, под водой и в воздухе¹;

¹ Несмотря на то, что в 1925 году был подписан Женевский протокол, то есть многостороннее согла-

7) сепаратные союзы и блоки отдельных государств и наций, заключаемые в военных целях;

8) весьма разветвленные шпионские сети, с помощью которых одни государства раскрывают военные планы и крадут секретные изобретения военного характера, принадлежащие другим нациям.

Таковы доказательства. А есть и явные признаки, предвещающие новую войну, среди которых: рост недоверия одного государства к другому, расовая и национальная ненависть, а особенно — всеобщие мрачные предчувствия и тревога умов на всех пяти континентах.

Некий доброжелатель может возразить: «Все это так. И все мы это видим. Однако все эти приготовления к войне могут и не привести к ее разжиганию — здесь

шение о запрещении применения на войне удушливых и ядовитых газов, а также бактериологического оружия. — *Примеч. пер.*

нет неотвратимости. Ведь наряду с подготовкой к войне крепнут и мирные инициативы». (Прошло целых тридцать лет с того времени, как была сделана первая попытка сокращения арсеналов и установления мира во всем мире. По почину Всероссийского Императора Николая II, в 1899 году в Гааге была созвана Первая мирная конференция. Она была открыта следующими словами благородного Царя: «Мы ищем самый деятельный способ к тому, чтобы всем народам уготовить благодать подлинного и долговечного мира, а сверх всего — положить конец постоянному совершенствованию современного оружия». Представители наций подписали протокол Гаагской Конференции и разъехались по домам, чтобы продолжить свою работу — вооружение! Вторая Гаагская конференция состоялась в 1907 году. Снова был подписан протокол, и снова всё вернулось на круги своя. После (первой. — *Пер.*) мировой

войны были учреждены Лига наций и Межпарламентский союз¹: протоколы подписываются из года в год, но прежняя гонка вооружений идет все более ускоренными темпами. В 1921 году была созвана Вашингтонская конференция по ограничению запасов оружия. Все прошло по регламенту, был подписан и заключительный акт, однако нации не свернули с прежнего пути. Затем президент [США] Кулидж созвал в Женеве конференцию трех морских держав — опять-таки с целью обуздания гонки вооружений. Наконец пришло время и пакта Келлога-Бриана², подписанного

¹ Формально, Межпарламентский союз был создан еще в 1889 году. Его задачей было поощрение непосредственных контактов между парламентариями с целью укрепления мира на земле. После первой мировой войны деятельность данного Союза заметно активизировалась, но, увы, новую мировую войну парламентарии предотвратить не смогли. — *Примеч. пер.*

² Эта вставка (текст в круглых скобках), по всей видимости, была сделана свт. Николаем позднее, так

большим числом государств, которые «отказывались от войны как средства национальной политики». Но и после того как все было высказано и подписано, ни один военный завод не сменил своего профиля, ни один крейсер не был переоборудован в торговое судно и ни один полк не был расформирован — не произошло этого нигде на планете. С даты Первой Гаагской конференции и до наших дней имели место многие войны, как то: Англо-бурская, Русско-японская, две Балканские, (первая. — *Пер.*) мировая, греко-турецкая и множество других военных конфликтов на всем земном шаре. После подобного тридцатилетнего опыта даже самому радужному оптимисту как не выслушивать с болью, печалью и недоверием все разглашательства о разоружении и мире!)

как в ней он упоминает пакт Келлога-Бриана, заключенный 27 августа 1928 года в Париже, тогда как беседа во время лодочной прогулки имела место на год раньше. — *Примеч. пер.*

«Крепнут» эти «мирные инициативы», шествуя за [военными приготовлениями], словно дитя за великаном; шагая, словно воловья упряжка за огненной колесницей. Если персонифицировать войну и мир, то первая должна была бы сказать второму: «Мне надлежит умяляться, а тебе расти» (ср.: Ин. 3, 30). Вопреки сему, война — по всей видимости — говорит миру: «Прячь меня, дитя, за своими пактами и конференциями — беги по улицам и кричи, что меня вообще нет и не будет!» Даже сама красноречивая пропаганда мира многим служит к осуществлению военных целей. Таким образом, в наши дни еще раз сбывается слово пророка: *Говорят: «мир, мир!», а мира нет* (Иер. 8, 11).

О мире ныне твердят так много не потому, что он налицо, а потому, что он в опасности. Ведь и о честности не бросают лишних слов и о здоровье не сетуют, пока то и другое есть и множится. Неужто Вы как военный

не замечаете, что многие речи о мире служат лишь прикрытием стратегии милитаризма? *Говорят: «мир, мир!», а мира нет!*

И действительно, генерал, не было у нас мира после окончания Мировой войны. Если у кого он и был, так это скорее у папуасов и бушменов, чем у белых людей. На самом деле, царило лишь перемирие, а не мир. [Ибо] жили мы и живем в условиях спешной подготовки к новой войне.

Это — все равно что перемирие на фронте. С тех пор, как Германия запросила его в 1918 году, и доселе — мы, по сути дела, жили лишь в режиме перемирия. С того времени и по сей день основные расходы государств, неусыпные заботы политиков и генералов, а также главные страхи и тревоги народов связаны с новой войной — точно так же, как при перемирии в ходе военных действий.

Из всего этого следуют ясные уроки:

- 1) мировая война, начавшаяся в 1914 году, не видится еще законченной;

- 2) со времен мировой войны и далее идея новой войны всевластно доминирует в психологическом настрое и материальных усилиях народов и государств;
- 3) все разговоры о мире и благие намерения [о его упрочении] затмеваются [реальными] фактами [, свидетельствующими] о вооружении всей планеты;
- 4) мир с точки зрения финансов, то есть расходов на оборону, уже находится в состоянии войны.

КАКОЙ БУДЕТ ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА?

Нужно ли мне описывать это Вам, генерал? Ни явь, ни грезы, ни мечта добропорядочных и разумных людей не способны даже приблизительно вообразить себе ужасные картины предстоящей войны, навстречу которой шагает род человеческий.

Это будет война, всецело лишенная милости, благородства и рыцарства. Война по неписаным правилам между израильтянами и филистимлянами, когда два войска наблюдают за поединком своих представителей, Давида и Голиафа, ожидая от исхода этого противоборства свою победу или поражение, — не более чем буколическая идиллия на фоне войны грядущей. Такая же идиллия и война Арджуны с Бхишмой, описанная

в «Махабхарате», и битва на Косовом поле между сербами и турками, и даже поход Наполеона на Москву. Да что я говорю! Ведь все войны на свете, в которых хоть как-то мерцали лучи милосердия, благородства и великодушия, все ратные дела, способные влить вдохновение пусть даже в одного талантливого поэта и родить хоть один героический эпос, — все они не более чем рыцарские турниры на лоне природы, по сравнению с войной, которая еще только назревает в мире сем. Ведь целью надвигающейся войны будет не просто победа над противником, но и полное его истребление. Тотальное уничтожение не только участников боевых действий, но и всего их тыла, их родителей, детей, больных, раненых, военнопленных, а также их сел и городов, скота и запасов зерна, железных и грунтовых дорог! [Это будет] пламя, которое не рассуждает и не делает различий.

В ходе прошлой войны много слез было пролито над Реймским собором. В грядущей

войне будут смеяться над руинами многих кафедральных соборов и церквей, бесчисленных народных святынь, вековых памятников и всего остального, что ценно и дорого человеческому сердцу на родной земле. Беспощадно будут метать огонь с земли, с воды и с воздуха на все то, что принадлежит противнику. Пламя, свинец и сталь будут падать проливным дождем, все переплавляющим и все предающим смерти. В довершение к сему засверкают электрические молнии, загудят мощные танки, стальные быстроходные и скорострельные машины и Бог весть — а на самом деле, диавол весть — какие еще адские приспособления для убийства, раздавливания и перемалывания людей, скота, растений и [неодушевленных] предметов. «Венцом» же всего этого явится последнее и верховное изобретение латинско-тевтонской цивилизации — смрад! Другими словами — зловонные газы, повергаемые на головы противника и на его отечество из самых

разнокалиберных орудий и в самых разнообразных [формулах и] составах. Всякое живое создание, которое Всевышний Творец наделил органами дыхания для наслаждения Его чистым и животворным воздухом, будет издыхать в конвульсиях от ядовитого чада, которым поприветствует его западная цивилизация. Аттила, Чингисхан и Тамерлан (в оригинале — Камбиз, персидский царь, прославившийся своей жестокостью. — *Ред.*) покраснели бы от стыда при виде столь беспощадных методов ведения войны. Но постыдятся ли их те, кто крещен во имя Всемилостивого Сына Божия?

Цифры грядущей войны во всяком отношении — кроме разве что числа получивших пощаду — превзойдут балансы всех прочих войн в истории человечества. В ходе самой войны будут мобилизованы даже подростки с двенадцати лет и старше, а также многие женщины и девушки. На военные нужды будет реквизировано все — все, что останется

в тылу: и последний вол, и последняя лошадь, и всякая другая живность, тягловая или употребляемая в пищу, а к тому же — и все пропитание, все деньги, драгоценности частных лиц, вся наличность из всех банков, будь то частных, общественных или государственных; а сверх того — все ценное из церквей и монастырей: одежда, утварь, все изделия из железа, меди, алюминия, резины — не говоря уже о серебре и золоте; а также частные телефонные аппараты, металлические печи, засовы с дверей и ворот, железные кровати, бронзовые рамы с картин, оклады с икон и зеркала, одним словом — все, что сделано из металла, кожи, полотна, каучука или другого какого-либо материала, необходимого для [ведения] войны и [для нужд] военнослужащих. Старики и старухи с малолетними детьми и калеками останутся в пустых и холодных и не запирающихся домах с опустошенными клетями и амбарами, с пустыми загонами для скота

и [разграбленными] подворьями, без обуви, без ремней, без посуды, без плуга и мотыги, без ножа и ложки, — голодные люди в [постоянной] опасности [перед] голодными зверями. Станут они щипать травку, где она еще останется не тронутой пламенем войны, разгребать землю [в поисках чего-то съестного] и срывать кору с деревьев. Этим и будут питаться. Но настанут и такие студеные дни, когда люди пустят на растопку все книги из общественных и частных библиотек и все картины и предметы искусства из музеев — только чтобы чуточку согреться и чтобы дряхлая бабушка согрела немного кипятку — без чая — для своего умирающего внука. От ужаса многие озвереют, помутятся рассудком, или вообще лишатся разума. Совершенно нагие, лохматые и грязные будут они носиться по дорогам и улицам, по лесам и полям, рыча как звери и нападая на тех, кого встретят или догонят. А в дальнейшем ходе войны Верховные

командования издадут приказ, чтобы все эти несчастные обломки и осколки человеческого рода, которых солдаты с передовых позиций будут вспоминать как своих родителей, братьев, и сестер, и детей, — чтобы все они были переселены в горные пещеры, вследствие опасности от ядовитых смрадных газов, которыми неприятель постарается отравить все дышащее в противоборствующей ему стране. Таким образом, во время военных действий не будет, по сути дела, и народа в современных людских жилищах, в городах и селах, в избах и хибарах. Ведь вся страна делается полем боя. Разве не так, мой генерал, разве вся наша планета не превратится в огромную панораму [грандиозной] битвы? Из гражданских лиц в тылу нельзя будет увидеть попросту никого. Все окажутся в убежищах, в пещерах и горных [ущельях и] рывинах. Как злополучный народ будет проводить время в этих укрытиях — описать это

ни у кого из людей не хватит ни сил, ни слов. Когда же сей многолетней войне все-таки придет конец, тогда [оставшиеся в живых] увидят все эти ямы и расселины — заваленные костями мертвецов.

Особой характеристикой грядущей войны будет безыдейность всех участвующих в ней сторон и взаимное недоверие, царящее среди солдат, воюющих под одним и тем же знаменем. Ведь данная война, на самом деле, будет вестись не во имя веры или свободы, не во имя отчизны и нации — хотя именно это и будет выдвигаться в качестве лозунгов — а, в основном, лишь во имя ненависти и мести, ради грабежей и хищений. Вследствие этой безыдейности, сводящей на нет любое воодушевление, во всех армиях окажется множество предателей и подкупленных шпионов. И как следствие — будет расти взаимная подозрительность и неблагонадежность, что приведет к расстрелу целых боевых подразделений. Помимо

виновных, от рук собственных властей погибнет и большое число преданных им людей. И еще: по причине отсутствия какой-либо высокой и подлинной идеи, за которую некто согласился бы добровольно умереть, практически не будет ни героизма, ни героев. В трудных обстоятельствах люди будут проявлять трусость, станут бесцеремонными и жестокими, не возмущаются и мародерством. Главными и единственными «виталями» будущей войны окажутся мертвые боевые машины. Они будут казаться более живыми, разумными, могущественными и храбрыми, нежели человек, их творец и хозяин. Человек же посреди своих орудий и механизмов будет ничтожным, и жалким, и перепуганным! И станет он аплодировать своим боевым машинам, как некогда аплодисментами превозносил своих героев.

Немалую часть всех описанных ужасов предстоящей военной катастрофы мы уже пережили, вдосталь насмотрелись на них

в отгремевшей мировой войне. А войны грядущие будут несопоставимо страшнее всех войн прошедших.

Впрочем, трудно, мой генерал, передать человеческим языком ту бурную и темную ночь, полную злодеяний, ужаса и хаоса, шествия в которую, Европа с Америкой тащат за собой [и] весь остальной мир.

Из всего этого можно извлечь недвусмысленные уроки:

- 1) цивилизованный мир поставит в услужение предстоящей войне весь свой умственный потенциал, всю свою энергию и все свое имущество без каких-либо изъятий;
- 2) ужасы разрушения в будущей войне превзойдут все военные тяготы минувших времен;
- 3) для грядущей войны будет показательным отсутствие идей и как следствие — не найдется в ней места ни для милости, ни для мужества.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВОДНАЯ БЕСЕДА.....	7
I. ВООРУЖЕНИЕ.....	26
II. КАКОЙ БУДЕТ ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА?	36
III. КАКОВЫ ПРИЧИНЫ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ?	46
IV. КАИН, ГДЕ БРАТ ТВОЙ?	54
V. ГОСПОДЬ – ЗНАМЯ МОЕ	58
VI. РАСПУТСТВО НА ВОЙНЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ НЕСЧАСТЬЕМ	68
VII. СЕМЬ ПРИГОВОРЕННЫХ К СМЕРТИ	75
VIII. МАРОДЕРСТВО – ПРИЧИНА ПОРАЖЕНИЯ	82
IX. ПЛЕН И РАБСТВО В ОТМЕСТКУ ЗА ГРЕХ.....	90
X. ГРЕХИ ВОЖДЕЙ – ПРИЧИНА ВОЙН И ВОЕННЫХ ПОРАЖЕНИЙ	100
XI. ЗА БЛАГОЧЕСТИЕ [ЦАРЕЙ И] ПРАВИТЕЛЕЙ В ГОСУДАРСТВЕ [ЦАРИТ] МИР, А НА ВОЙНЕ [СОПУТСТВУЕТ] УСПЕХ	110

СОДЕРЖАНИЕ

XII. СОЮЗ СО ЗЛОЧЕСТИВЫМ ПРИНОСИТ ЗЛО	123
XIII. НЕТ ПОЛЬЗЫ ОТ ОРУЖИЯ	134
XIV. ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ РАБСТВА	143
XV. КАК МАЛОЕ ВОЙСКО ПОБЕЖДАЕТ БОЛЕЕ СИЛЬНОГО ПРОТИВНИКА.....	154
XVI. СОВРЕМЕННЫЕ ВОЙНЫ В СВЕТЕ БИБЛИИ	162
XVII. МИРОВАЯ ВОЙНА В СВЕТЕ БИБЛИИ.....	181
XVIII. ИТАК, ГДЕ ЛЕЖАТ ПРИЧИНЫ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ?	211
XIX. КТО ПОБЕДИТ В ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЕ?	230
XX. ИСПОЛНЕНИЕ ПРОРОЧЕСКИХ СЛОВ О ВОЙНАХ.....	243
XXI. ЕВАНГЕЛИЕ И ВОЙНА	259
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	274

